

ИМЕННО так — благородным книжником называл Пушкин своего современника и доброго знакомого, известного книжного и журнального издателя, библиографа и организатора библиотечного дела Александра Филипповича Смирдина.

Выходец из народа, он по масштабам и размаху своей книгоиздательской, просветительской деятельности может быть сопоставлен лишь с И. Д. Сытиным, вторым удивительным русским самородком. Однако Смирдин, пожалуй, был более тесно связан с собственно литературной жизнью. И не случайно В. Г. Белинский писал о «Смирдинском» периоде русской словесности, называя А. Ф. Смирдина его «главой и распорядителем». Это было действительно так, если иметь в виду те благоприятные условия для литературного труда и публикации произведений, которые А. Ф. Смирдин создавал для русских писателей. Последнее больше, чем к кому-либо другому, относится к Пушкину.

Вероятно, без преувеличения можно сказать, что из всех русских книжников 20—30-х годов прошлого века именно у А. Ф. Смирдина с Пушкиным были наиболее близкие и дружеские связи. Сведениями о том, когда и при каких обстоятельствах познакомились Смирдин и Пушкин, мы не располагаем. Скорее всего они встречались уже в первые послепетлицкие годы поэта, когда он посещал книжную лавку В. А. Плавильщикова у Синего моста, считавшуюся одной из лучших. Правда, Смирдин в ту пору был в этой лавке только приказчиком. Деловая близость между ними и Пушкиным наступила лишь после возвращения поэта из михайловской ссылки, когда Смирдин стал владельцем большой библиотеки и книгоиздателем. Однако еще до этого А. Ф. Смирдин вместе с московским книгопродавцем А. С. Ширяевым купил у П. А. Вяземского весь первый тираж «Бахчисарайского фонтана» за 3000 рублей, с уплатой сверх того — 500 рублей издержек за печать и 500 рублей посреднику сделки, то есть почти по 8 рублей за стих. Такая цена по тем временам была баснословной. Продажа «Бахчисарайского фонтана» наделала много шума. В письме к Вяземскому 8 марта 1824 года сам Пушкин замечает: «Начинаю почитать наших книгопродавцев и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого».

После возвращения Пушкина из ссылки Смирдин по собственной инициативе покупает у него право на вторичное издание поэм «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник» и «Руслан и Людмила», заплатив поэту в общей сложности 10 000 рублей. Сохранилось письмо Пушкина к издателю: «Милостивый государь мой, Александр Филиппович. По желанию вашему позволяю вам напечатать вторично поэму мою Бахчисарайский фонтан числом тысячу экземпляров».

Ваш покорный слуга Александр Пушкин. 25-го октября 1827 года СПб.»

В 1830-х годах Смирдиным были полностью куплены первое издание «Бориса Годунова», тиражи третьей и четвертой частей «Стихотворений» Пушкина. Особенность четвертой части составляло то, что в нее вошли в основном только те стихотворения поэта, которые впервые появились в 1834—1835 годах в журнале Смирдина «Библиотека для чтения». У Смирдина вышли первое полное издание «Евгения Онегина» и две части «Поэм и повестей». Пушкин печатался также в знаменитом смирдинском альманахе «Новоселье». В первой части этого издания был помещен «Домик

в Коломне» с прекрасным рисунком А. Брюллова, во вторую вошла поэма «Анджело».

К сказанному следует добавить, что с согласия Пушкина 1 мая 1830 года ведавший изданием его произведений Плетнев заключил со Смирдиным договоренность, по которой передал ему для распродажи все вышедшие до этого и нереализованные книги поэта общей стоимостью, согласно расчетам Смирнова — Сокольского, на 58 500 рублей. За них книгопродавец обязался в течение четырех лет выплачивать Пушкину «регулярный пенсион» по 600 рублей ассигнациями в месяц, следовательно, в целом выплатить ему 28 800 рублей, то есть приблизительно половину стоимости полученного товара. Это были обычные для Смирдина в его лучшие годы и приемлемые для Пушкина условия, устраивавшие обе стороны.

Мы отметили лишь отдельные примеры деловых отношений Пушкина со Смирдиным, который считал для себя честью сотрудничать с поэтом и тем самым в меру сил способствовать развитию русской литературы. Ему «не столько важно было нажиться через книги, сколько слить свое имя с русской литературой», — писал В. Г. Белинский.

Высоко ценивший талант Пушкина и гордившийся знакомством с ним, Смирдин платил ему самые высокие гонорары и сыграл исключительную роль в распродаже и популяризации его произведений независимо от того, кем они были изданы. Предполагая издать «Повести Белкина» и зная, как может быть полезен Смирдин в распродаже книги, Пушкин писал 15 августа 1831 года из Царского Села Плетневу: «Смирдину шепнуть мое имя, с тем, чтоб он перешепнул покупателям».

О том, как расходились произведения Пушкина у Смирдина, оставил замечательное свидетельство Гоголь. Дав живое и красочное описание обстановки в книжном магазине Смирдина во время продажи «Бориса Годунова», когда «толпа густилась и росла», он, по-видимому, с натуры записал характерный диалог: «— А самое-то сочинение действительно ли чувствительно написано? — с смиренным видом заикнулся вошедший сенатский рябчик. «И конечно чувствительно!» — подхватил книгопродавец, кинув убийственный взгляд на его истертую шинель: «если бы не чувствительно, то не разобрали бы 400 экземпляров в два часа!».

Зная о том огромном автори-

А. Ф. СМЕРДИН.

КНИЖНИК

тете, которым пользовался у Смирдина Пушкин, многие обращались к нему с просьбами о протекции у издателя, если Пушкин найдет их произведения достойными печати. Это относится, например, к Н. А. Полевому, П. А. Катенину, Денису Давыдову, Е. А. Баратынскому, Д. Н. Бантыш-Каменскому, П. П. Ершову.

Некоторое охлаждение в отношениях между Пушкиным и Смирдиным наступило лишь с появлением «Современника». Охлаждение это явилось косвенным следствием борьбы Пушкина с «журнальным триумvirатом» (Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский), с которым Смирдин экономически был связан и который впоследствии был причастен к его разорению. Отношение Пушкина к членам пресловутого «триумvirата» нашло отражение в известной эпиграмме, возникшей после одного из посещений поэтом книжной лавки на Невском:

К Смирдину как ни зайдешь, —
Ничего не купишь.
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь.

Но и после того, как Смирдин начал издавать журнал «Библио-

тека для чтения», который редактировал О. И. Сенковский, а Пушкин — свой «Современник» (отказавшись от предложенных Смирдиным, видевшим в журнале Пушкина серьезного конкурента, 15 000 рублей отступных), вполне корректные деловые отношения между издателем и поэтом все же сохранялись. Смирдин брал в свой магазин на комиссию для распродажи пушкинский «Современник». Это подтверждает найденная среди бумаг Смирдина записка Пушкина в его лавку от 29 декабря 1836 года: «Двадцать пять экз. 4-го № Современника выдать по сей записке. А. Пушкин». Не менее показателен и тот малоизвестный факт, что последним, кого видел Пушкин перед отъездом на дуэль, был легендарный Федор Фролович Цветаев — приказчик Смирдина, знавший на память всю его многотысячную библиотеку и так же, как и он, страстно любивший книги. Это был человек, которого современники называли «живым каталогом» за его феноменальную память и библиографические познания. Очевидно, Ф. Ф. Цветаев посетил поэта до его встречи с Данзасом, после написания

Пушкиным известного письма Ишимовой. Вот что мы узнаем об этом из письма сотрудничавшего со Смирдиным библиографа Ивана Павловича Быстрова библиофилу С. Д. Полторацкому: «В достопамятный 27 день января 1837 года Ф. Ф. Цветаев в 12 часу утра был у Пушкина и говорил с ним о новом издании его сочинений. Пушкин был весел. А ввечеру того же числа Тургенев пришел к нему с известием, что Пушкин стрелялся! Какова сила характера нашего незабвенного поэта! Из письма следует, что он предполагал издать у Смирдина какую-то свою книгу».

Доброе отношение к Пушкину Смирдин сохранил и после его кончины. В письме к А. И. Нефедьевой от 1 февраля 1837 года А. И. Тургенев сообщал: «Смирдин сказывал, что он продал, после дуэля П. на 40 т. его сочинений, особливо Онегина». Искренним почитателем и активным распространителем сочинений Пушкина, стремившимся действительно помочь его осиротевшей семье, оставался «благородный книжник» и позже. 18 июня 1837 года член пушкинского Опекунского совета М. Ю. Вильгорский сообщал Вяземскому, что сверх 100 уже купленных экземпляров «Современника», который был издан в пользу семьи поэта, Смирдин желает купить еще 200. В конце 1838 года Смирдин покупает у Опекунского совета трагедию «Каменный гость», и произвольный отрывок «Гости съезжались на дачу». В феврале 1839 года от той же опеки он принимает 1700 нераскупленных экземпляров «Истории Пугачевского бунта». И хотя ему такая комиссия не сулила дохода, хотя удалось продать всего 200 экземпляров «Истории», тем не менее этот поступок говорит о многом, ибо никто из книгопродавцев за реализацию остатков этого издания не брался.

Еще один факт. В 1837—1838 годах опекой было предпринято восьмитомное издание сочинений Пушкина в пользу его семьи. В его распространении Смирдин принял самое деятельное участие. Вместо обусловленных договором 1500 экземпляров первого посмертного издания сочинений Пушкина Смирдин распространил 1600. Много ли это или мало? Очень много. Судить об этом можно по тому, что такое же количество было распространено всеми губерниями России, получившими на этот счет специальное указание министерства внутренних дел. Опека смогла издать лишь пять томов из восьми. Остальные были выпущены через несколько лет опять-таки благодаря инициативе Смирдина.

В заключение расскажем еще об одной попытке Смирдина посмертно издать Пушкина. В ноябре 1844 года он предложил опеке проект издания сочинений Пушкина в 2 томах. Издание должно было быть роскошным, на хорошей бумаге, с рисунками князя Гагарина. Интересны представленные Смирдиным по просьбе Опекунского совета условия этого издания. Приводим отрывок из них:

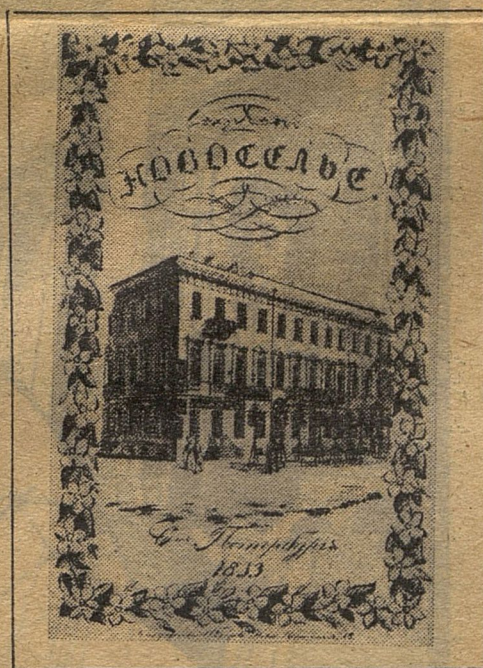
«Я, Смирдин, обязуюсь приложить всевозможное старание за тщательным и успешным печатанием, переплетом, приемом из типографии листов и счетом оных».

Во уважение памяти А. С. Пушкина, я, Смирдин, все сии хлопоты и распродажу экземпляров принимаю на себя без всякого на то денежного вознаграждения...»

Так хотел Смирдин почтить память Пушкина, такова была его любовь к поэту. К сожалению, бескорыстное и благородное намерение Смирдина осуществлено не было, дела его в середине 40-х годов пошли совсем плохо. Он был на грани разорения.

Такова, очень короткая, история отношения Смирдина к Пушкину, история, еще не до конца изученная.

Лев КИШКИН

Обложка альманаха «Новоселье» за 1833 год с изображением здания на Невском проспекте, в котором помещалась лавка Смирдина.

Титульный лист альманаха «Новоселье» за 1834 год. На рисунке А. П. САПОЖНИКОВА, гравированном С. Ф. ГАЛАКТИОНОВЫМ, — внутренний вид лавки. На первом плане справа — А. С. Пушкин, беседующий с П. А. Вяземским, слева — главный приказчик и библиотечник Ф. Ф. Цветаев, в глубине за стойкой — А. Ф. Смирдин.

